

НОВОКАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ИТАЛІИ.

Въ концѣ апрѣля текущаго года послѣ такъ называемой „церемоніи возложенія берета“ на новыхъ кардиналовъ, возведенныхъ въ кардинальское достоинство консисторіей 15 апрѣля, Пій Х обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, изъ которой мы приведемъ слѣдующій отрывокъ: „Мы глубоко огорчены заблужденіемъ умовъ, не признающихъ ученій церкви и поднимающихъ крикъ протеста, низвергнувшій нѣкогда съ неба возмутителей. И дѣйствительно-мятежники тѣ, которые исповѣдуютъ и распространяютъ коварнымъ образомъ чудовищныя заблужденія объ эволюціи догматовъ, о возвращеніи къ евангелію, сдавленному, какъ они говорятъ, объясненіями богослововъ, опредѣленіями соборовъ, правилами аскетики,—толкуютъ объ эмансипаціи церкви, но въ новой формѣ, не поднимая открытаго протеста, чтобы не быть исключенными изъ нея, но и не подчиняясь, чтобы не идти противъ собственнаго убѣжденія, и наконецъ толкуютъ о необходимости приспособленія ко времени во всемъ,—въ рѣчи, въ писательствѣ, въ проповѣди христіанской любви безъ вѣры, чрезвычайно любезной невѣрующимъ, открывающей пути къ вѣчной гибели. Предъ нами не ересь, но ученіе, представляющее въ сжатомъ видѣ ядъ всѣхъ ересей и стремящееся подрывать основы вѣры и уничтожить христіанство,—именно уничтожить христіанство, потому что для этихъ новыхъ критиковъ Священное Писаніе уже не есть непререкаемый источникъ всѣхъ истинъ вѣры, но обыкновенная книга; божественное откровеніе для нихъ ограничивается только областью догматики и при томъ понимаемой въ ихъ собственномъ смыслѣ и едва-ли отличается отъ по-

этического вдохновенія Эсхила или Гомера. По ихъ мнѣнію церковь—законная толковательница Библии, если только она подчиняется правиламъ такъ называемой критической науки, авторитету которой они хотятъ рабски подчинить богословіе. Наконецъ, что касается преданія, то здѣсь—все относительно и подчинено измѣненіямъ, и такимъ образомъ авторитетъ отцовъ церкви—сведенъ къ нулю. Всѣ эти и тысячу другихъ заблужденій они распространяютъ въ брошюрахъ, журналахъ, нравоучительныхъ сочиненіяхъ и даже романахъ, облекая ихъ въ двусмысленныя выраженія и неясныя формы, чтобы всегда имѣть выходъ для защиты, избѣжать открытаго приговора и легче ловить неосторожныхъ въ разставленные ими сѣти“.

Въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи Пій X, какъ рассказываютъ итальянскія газеты, возвысивъ голосъ, обратился къ присутствующимъ епископамъ, призывая ихъ бороться противъ этихъ разсѣвателей плевеловъ, доносить объ ихъ сочиненіяхъ римскимъ конгрегаціямъ, увеличить наказанія и приговоры и помогать папѣ въ управленіи церковью, уничтожая сѣмена этихъ пагубныхъ ученій.

Эта новая ересь, которая, по мнѣнію Пія X, представляетъ въ сжатой формѣ ядъ всѣхъ ересей, называется модернизмомъ, а ея приверженцы — модернистами. Этотъ терминъ самъ по себѣ не заключаетъ ничего безчестнаго, потому что указываетъ лишь на стремленіе его носителей примѣниться въ религиозныхъ вопросахъ къ современнымъ нуждамъ и запросамъ общества. Кромѣ того это очень неопредѣленный терминъ,—не выражаетъ точно: опредѣленіе - ли это общей сложности догматическихъ ученій или же философскихъ, или наконецъ социальныхъ. Одинъ современный итальянскій писатель, сочиненіе котораго было чрезвычайно расхвалено журналомъ *Civiltà Cattolica*, посвящаетъ цѣлую страницу опредѣленію модернизма. „Модернизмъ есть поддѣлка истиннаго и настоящаго понятія современности, болѣзненное и пагубное состояніе не малаго числа католическихъ умовъ, по большей части молодыхъ, утверждающихъ и признающихъ разнообразныя стремленія, мнѣнія, тенденціи, идеи, которыя принимаютъ подчасъ форму системъ и стремятся дать новыя основы и новыя формы обществу, политикѣ, философіи, богословію, церкви, христіанству, въ духѣ теорій и

взглядовъ, взятыхъ и вытекающихъ изъ сочиненій Кацта, Конта, Ламенне, Толстого, Гарнака, Луази и др.“¹⁾

Намъ кажется, что терминъ модернизмъ не удачно выбранъ, чтобы обозначить эту внутреннюю доктринальную работу, совершающуюся въ католической совѣсти на западѣ, это новое направленіе духовенства и образованныхъ мірянъ римской церкви въ сторону внутренней реформы католицизма. Въ общемъ модернисты, гордящіеся тѣмъ, что ихъ объявляютъ послѣдователями современной науки, совсѣмъ недовольны даннымъ имъ презрительнымъ эпитетомъ модернистовъ. Флорентійскіе *Studi Religiosi*, занимающіе первое мѣсто въ модернистской печати, выражаются такъ: „Модернизмъ есть крайность, пародія на современность и мы во имя нашего собственнаго достоинства единодушно его порицаемъ и рѣшительно отвергаемъ. Мы и въ научной и общественной жизни имѣемъ въ виду интересы современности въ религиозномъ духѣ... Мы не думаемъ, что словомъ модернизмъ желаютъ порицать наши мнѣнія, которыя свободно могутъ уживаться въ границахъ догмата и которыя осмѣиваются, какъ модернистскія, нѣкоторыми газетами и журналами, не находящими лучшихъ доводовъ, чтобы доказать ихъ ложность. И потому мы, вполне искренно сознавая, возможность ошибокъ и заблужденій съ нашей стороны, продолжаемъ совершенно чистосердечно изслѣдовать и изучать богословскія науки съ точки зрѣнія современности, т. е. согласно съ современными запросами нашей вѣрующей совѣсти“.

Изъ этого слѣдуетъ, что по взгляду модернистовъ модернизмъ состоитъ въ современности католической науки, въ примѣненіи къ христіанской апологетикѣ современныхъ результатовъ критическихъ наукъ и въ отверженіи тѣхъ легендъ и преданій, которыя были съ закрытыми глазами приняты въ вѣка слѣпой вѣры, а теперь уже не выдерживаютъ разрушительныхъ ударовъ исторической критики. Противники модернистовъ видятъ въ модернизмѣ скрытое отрицаніе христіанской догматики; для его сторонниковъ модернизмъ есть очищеніе католицизма, чего можно достигнуть осторожно, не вызывая раскола, подобнаго тому, который далъ начало протестантизму.

1) Кавалланті, Модернизмъ и модернисты. Брешія, 1907, стр. 1—2.

Модернистское движеніе болѣе серьезно для будущаго римской церкви въ романскихъ странахъ, чѣмъ оно кажется на первый взглядъ. Оно съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ больше и больше послѣдователей въ рядахъ молодого духовенства и образованнаго свѣтскаго общества и связано съ философскимъ и литературнымъ разцвѣтомъ въ современной Италіи. Чтобы дать понятіе о его значеніи, мы ограничимся краткими свѣдѣніями о его происхожденіи и развитіи и объективнымъ изложеніемъ его основныхъ ученій.

Въ одномъ изъ своихъ пастырскихъ посланій кардиналъ Феррари, архіепископъ миланскій, пишетъ: „Секта модернистовъ основана на принципѣ свободнаго изслѣдованія и протеста, хотя и прикрытаго авторитетомъ церкви; я не затрудняюсь поэтому назвать ее новымъ отпрыскомъ протестантства, тѣмъ худшимъ, что она прикрывается маской церковности“. Судя по этому, модернизмъ есть секта одновременно раціоналистическая и мистическая: ея раціонализмъ представляется элементомъ, заимствованнымъ изъ протестантства, а ея мистицизмъ происходитъ отъ вліянія католицизма. Стало быть начало модернизма слѣдуетъ искать въ протестантскихъ странахъ.

Модернисты хвалятся своимъ происхожденіемъ по прямой линіи отъ кардинала Ньюмана, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ умовъ католическаго возрожденія въ Англіи. Его книга *An essay on the development of christian doctrine*, опубликованная въ Лондонѣ въ 1844 г., считается модернистами исходной точкой ихъ ученій. По словамъ французскаго священника Димне, Ньюманъ предсказывалъ, что наступитъ время, когда католическое богословіе будетъ примѣненіемъ вѣры къ принципамъ, господствующимъ въ философіи, научной экзегетикѣ и исторіи ¹⁾. Другими словами, англійскій кардиналъ защищалъ эволюцію догмата, состоящаго не изъ строгихъ и мертвыхъ формулъ но изъ живыхъ и измѣняющихся сообразно съ культурною жизнью тезисовъ. Такимъ же образомъ, какъ содержаніе человѣческой мысли способно развиваться, какъ философія извѣстной эпохи не тождественна

¹⁾ *La pensée catholique dans l'Angleterre contemporaine*, Paris, 1906, стр. 289.

съ философіей другого періода, какъ соціальныя идеи, критеріи въ искусствѣ, научные методы бывають различны въ разныя эпохи, такъ и религіозныя идеи и выражающія ихъ формулы мѣняють свое значеніе. Догматическія формулы видимо остаются одинаковыми въ теченіи вѣковъ, но люди понимаютъ ихъ различнымъ образомъ, смотря по степени ихъ образованности и господствующимъ въ обществѣ идеямъ. Догматъ живетъ въ мысли и, такъ какъ жизнь постоянно обновляется, содержаніе догмата также участвуетъ въ этомъ обновленіи.

Теорія Ньюмана, со стороны ея основнаго принципа, не противорѣчила католическому богословію, допускающему умѣренное, ограниченное развитіе догмата, поскольку догматическія формулы съ теченіемъ времени дѣлаются болѣе ясными, точными, опредѣленными. Если бы не было этой умѣренной эволюціи догмата, то, по мнѣнію римскихъ богослововъ, нельзя бы было объяснить опредѣленія догматовъ папской непогрѣшимости и безпорочнаго зачатія св. Дѣвы, въ XIX вѣкѣ ¹⁾. Ошибка Ньюмана состоитъ въ томъ, что онъ преувеличилъ этотъ принципъ римско-католическаго богословія, допустивъ мысль, что догматическое содержаніе можетъ преобразовываться согласно съ доктринальными требованіями времени и пріобрѣтаетъ такъ сказать другія значенія. Не будемъ останавливаться на изслѣдованіи истиннаго значенія теорій Ньюмана, сочиненія котораго уже представлены будто-бы на разсмотрѣніе римской конгрегаціи индекса запрещенныхъ книгъ. Ревностные противники церковнаго обновленія желали бы, чтобы его сочиненія были осуждены, дабы вырвать зло съ корнемъ, но вліяніе Ньюмана на англійскихъ католиковъ такъ велико, что такое осужденіе могло бы повредить развитію католицизма въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Ученіе Ньюмана было распространено во Франціи двумя блестящими писателями Димне и іезуитомъ о. Бремонъ, который такъ увлекся ихъ защитой, что іезуиты исключили его изъ ихъ общества. Въ Италіи ихъ изученію посвятили себя сотрудники *Studi Religiosi* во Флоренціи, особенно свя-

¹⁾ Объ эволюціи догмата, *Civiltà Cattolica*, 4 сентябрь, 1906 г., стр. 656—57.

щенникъ Баттаини, который перевелъ одно сочиненіе Ньюмана на итальянскій языкъ ¹⁾.

Другое движеніе, которое можно считать прелюдией современнаго модернизма, имѣло начало въ Америкѣ и было названо римско-католическими писателями американизмомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ одинъ чрезвычайно дѣятельный священникъ, о. Исаакъ Тома Геккеръ, основалъ религиозную конгрегацію, названную конгрегаціей Паолинцевъ, образовавъ ее по идеаламъ, которые одни находили протестантскими, другіе модернистскими. Послѣ его смерти, его ученики издали его жизнеописаніе, которое было переведено на французскій языкъ. По мнѣнію о. Геккера, римская церковь должна бы примѣниться къ современной культурѣ, и, ослабивъ прежнюю нетерпимость, снизойти къ новѣйшимъ теоріямъ и социальнымъ условіямъ. Идеямъ о. Геккера не доставало ясности и потому ихъ толковали въ разномъ смыслѣ. Въ посланіи, осуждающемъ американизмъ, обращенномъ къ кардиналу Гиббонсу, архіепископу балтиморскому (22 января 1899 г.) Левъ XIII упрекаетъ Геккера, согласно съ изложеннымъ у его біографа ученіемъ, въ намѣреніи измѣнить установившееся вѣками наслѣдіе вѣры, въ допущеніи мысли, что католическое ученіе можетъ измѣняться въ нѣкоторыхъ пунктахъ и въ преувеличенномъ дозволеніи вѣрующимъ свободы религиозной мысли и жизни. Геккеръ утверждалъ, что Св. Духъ въ наше время лучше распредѣляетъ свои дары, нежели въ первобытной церкви, обучаетъ и руководитъ вѣрующими посредствомъ таинственнаго озаренія и безъ посредниковъ. Такое ученіе равняется, по выраженію Льва XIII, признанію протестантской свободы въ дѣлахъ вѣры, послѣдствіемъ чего является отверженіе высшаго руководства церкви и потому оно заслуживаетъ папскаго порицанія.

Отъ Ньюмана и Геккера происходитъ, такимъ образомъ, тотъ мистическій элементъ, который наблюдается въ современномъ религиозномъ модернизмѣ въ Италіи.

Раціоналистическій элементъ происходитъ изъ Германіи. Протестантская экзегетика, въ особенности со стороны кри-

¹⁾ Grandmaison, John Henry Nexman, considéré comme maître, Etudes. 20 decembre, 1905, стр. 729—750.

тическаго изученія священнаго текста, далеко превосходитъ экзегетику католическихъ ученыхъ, которые связаны въ своихъ изысканіяхъ богословскими щепетильностями, или декретами и опредѣленіями римской церкви. Въ послѣднее время принципы протестантской экзегетики священнаго писанія проникли и въ католическую экзегетику, которая сознавая, что многіе старыя тезисы не могутъ быть защищаемы, рѣшила обновить свой доктринальный багажъ. Такому обновленію способствовалъ главнымъ образомъ Гарнакъ своимъ неоспоримымъ авторитетомъ въ области христіанской литературы первыхъ вѣковъ. Гарнакъ сдѣлался учителемъ римскихъ экзегетовъ и его „Сущность христіанства“, переведенная на французскій и итальянскій языки, имѣла большой успѣхъ. Смѣлое новаторство протестантизма имѣло во Франціи даровитаго толкователя и распространителя въ лицѣ аббата Луази, выдающагося экзегета, который проповѣдывалъ и словомъ и въ сочиненіяхъ самыя смѣлыя выводы нѣмецкаго раціонализма, объявляя въ то же время, что не желаетъ отдѣляться отъ католичества. Сочиненія Луази, появлявшіяся въ *Revue critique d' Histoire et de Littérature religieuse* и въ *Revue du clergé français*, двухъ журналахъ, проникнутыхъ чистѣйшимъ модернизмомъ, содѣйствовали тому, что во Франціи привилась раціоналистическая экзегетика, а изъ Франціи она проникла и въ сосѣднюю Италію.

Къ проникновенію протестантскаго вліянія въ католическую экзегетику скоро присоединилось проникновеніе протестантскихъ принциповъ въ апологію христіанства. Нѣмецкая раціоналистическая философія внушила нѣкоторымъ даровитымъ французскимъ писателямъ мысль основать новую апологетику, имѣющую корни въ кантовскомъ апіоризмѣ. Такъ какъ современная философская мысль складывается подъ глубокимъ вліяніемъ Канта, то казалось умѣстнымъ примѣнить принципы кантовской философіи и къ апологіи христіанства. Такимъ образомъ во Франціи возникла особая философская школа, представители которой Блондель, Руа, аббатъ Дени и Лабертонниеръ, отвергая, какъ бесполезныя, метафизическія доказательства бытія Божія, ищутъ доказательства необходимости религіи и истины христіанства во внутренней жизни чувства и воли. Органомъ новой апологетики были *Annales de Philosophie chrétienne*. Въ

своихъ сочиненіяхъ Блондель проводилъ мысль, что христіанство не есть кодексъ непонятныхъ догматовъ, но нѣчто неопредѣлимое, живущее и развивающееся въ насъ болѣе въ силу побужденій и запросовъ воли, нежели въ силу убѣжденія разума. Такимъ образомъ теоретическія доказательства теряютъ свое значеніе передъ моральнымъ доказательствомъ, требующимъ религіи для нашей жизни. Иначе, выражаясь терминами кантовской философіи, необходимость положительной религіи не есть требованіе чистаго, но практическаго разума. Руа, выдающійся математикъ, примѣняя взгляды Блонделя къ догматикѣ, находилъ въ ней скорѣе моральное значеніе, нежели выраженіе теоретической истины. Дени составилъ трактатъ по апологіи христіанства, въ которомъ совѣтовалъ отказаться отъ богословскаго балласта схоластики, отъ попытки посредствомъ силлогизма убѣдить невѣрующихъ въ истинѣ христіанства, и его теоріи нашли даровитаго и краснорѣчиваго защитника въ о. Лабертонниерѣ, члена конгрегаціи ораторіанцевъ, считающихся во Франціи представителями церковнаго либерализма. Дѣйствительно къ этой конгрегаціи принадлежалъ о. Гратри, который на ватиканскомъ соборѣ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ догмата непогрѣшимости. Итакъ Германія со своей свободной экзегетикой и кантовской философіей доставила рационалистическій элементъ католическаго модернизма.

Наконецъ Бельгія и Франція привнесли въ него соціальныи элементъ подъ именемъ христіанской демократіи. Цѣлью христіанской демократіи была борьба противъ антихристіанскаго социализма и подготовленіе тѣхъ соціальныхъ реформъ, отъ которыхъ зависитъ также и будущее христіанства у современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Христіанскіе демократы утверждаютъ, что церковь, призванная выполнить задачу чисто религіозную, не должна претендовать на руководство мірянами въ борьбѣ политическихъ партій. Такимъ образомъ въ короткое время развилась въ средѣ католицизма сумма догматическихъ, экзегетическихъ, философскихъ, соціальныхъ и политическихъ ученій, которыя сперва робко, потомъ все смѣлѣе распространялись и утверждались въ правленіе Льва XIII подъ общимъ названіемъ „новаго направленія католической мысли и совѣсти“, и въ періодъ реакціи, начавшейся при Піи X, выступили наружу,

ясно показывая, какіе успѣхи новыя идеи успѣли завоевать въ христіанскомъ сознаніи. Вопросъ теперь заключается не въ томъ или другомъ только пунктѣ католическаго ученія, представляющемся мишенью для критики и тайныхъ или открытыхъ нападокъ; модернизмъ хочетъ провѣрить все доктринальное наслѣдіе римской церкви и начать новый періодъ религиозной жизни, выражающій собою конецъ средневѣковаго періода и начало примиренія церкви съ разумомъ, уклонившимся къ атеизму и съ народными массами, терзаемыми социализмомъ, врагомъ трона и алтаря.

Колыбель модернизма, какъ широкообъемлющей доктринальной системы—Франція, но Италія повидимому представляетъ почву, въ которой модернистскія идеи укореняются крѣпче и распространяются быстрѣе. Въ силу своихъ религиозныхъ условій Италія, казалась, не была предназначена къ какому либо изъ тѣхъ крупныхъ религиозныхъ движеній, которыя роковымъ образомъ развиваются въ лонѣ католицизма. Старая католическая оппозиція ограничивалась отверженіемъ какого-нибудь догмата римской церкви и, оставаясь въ области строго-догматической, не могла по малому интересу, который возбуждаютъ въ настоящее время богословскіе вопросы, претендовать на широкое распространеніе. Модернизмъ-же наоборотъ затрогиваетъ всѣ вопросы религиозной, интеллектуальной и социальной жизни человѣчества и поэтому его идеи распространяются съ удивительной быстротой и съ восторгомъ принимаются молодымъ духовенствомъ. Ихъ успѣху способствуютъ несомнѣнныя дарованія и большая популярность лицъ, взявшихъ на себя ихъ распространеніе.

Модернизмъ въ экзегетикѣ и вообще въ богословіи нашель въ Италіи апостола въ лицѣ Сальватора Миюкки, профессора еврейскаго языка во Флоренціи, который въ 1900 г. началъ издавать въ этомъ городѣ выходящій два раза въ мѣсяць журналъ *Studi Religiosi*, первый журналъ, который въ Италіи серьезностью своей цѣли и направленія указалъ на интеллектуальное пробужденіе итальянскаго духовенства. Соціальныя идеи нашли горячаго и неутомимаго проповѣдника въ священникѣ Ромуль Мурри изъ епархіи Фермо, ко-

торый далъ сильный толчекъ итальянской клерикальной печати, приобрѣлъ симпатіи молодежи, которую онъ организовалъ съ удивительнымъ умѣньемъ, и такимъ образомъ подготовилъ въ Италіи образованіе „итальянской католической партіи“. Составить сужденіе о Мурри трудно, потому что его сильно ненавидитъ непримиримое католичество и кромѣ того онъ имѣетъ много противниковъ въ рядахъ самой христіанской демократіи, во главѣ которой онъ находится. Кавалланти въ своемъ сочиненіи о модернизмѣ называетъ его умомъ необыкновеннымъ, безпокойнымъ агитаторомъ, всегда сторонникомъ новаго, священникомъ, который, если бы не имѣлъ слишкомъ высокаго самомнѣнія и позволилъ руководить собою тѣмъ, кому принадлежитъ право этого руководства, могъ бы при своихъ способностяхъ сдѣлать много добра итальянскому католическому юношеству ¹⁾. Его противники смотрятъ на него, какъ на одинокаго бѣдняка, на душевно-больного, неврастеника, на писателя несвязныхъ діатрибъ, на интеллектуальнаго диктатора, и т. п. Страннѣе всего то, что всѣми этими эпитетами его награждаютъ его же собратья по духовному званію. Но впрочемъ, какъ замѣчаетъ остроумно редакторъ *Vie religieuse* (французскій реформистскій журналъ) три четверти клерикальной печати на западѣ сводятъ свою задачу къ злословію ближняго.

Мурри является въ Италіи руководителемъ соціального модернизма и поэтому противъ него направлены всѣ усилія непримиримыхъ католиковъ. Первыя мѣры строгости были приняты противъ органа его партіи, журнала *Cultura sociale*, который Мурри долженъ былъ прекратить. Но болѣе серьезныя мѣры долженъ былъ Ватиканъ принять противъ самаго главы христіанскихъ демократовъ въ Италіи. Освобожденный отъ редакторства *Cultura sociale*, Мурри сдѣлался сотрудникомъ *Corriere della sera*, большой газеты итальянскаго либерализма и посылалъ въ нее корреспонденціи изъ Парижа, въ которыхъ мрачными красками описывалось религіозное состояніе Франціи и въ чрезвычайно осторожныхъ выраженіяхъ отвѣтственность за это состояніе возлагалась на политику новаго папы. Понятно, что эти порицанія озлобили тѣ

1) Цит. соч. 403—404 стр.

ультра-консервативные католическіе журналы, которые увѣряли, что Пій X произнесъ непогрѣшимое рѣшеніе, осудивъ французскія культуальныя союзы. По мнѣнію Мурри, современной французской политикой ватиканской дипломатіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, подобный событію 20 сентября 1870 г. уничтожившему свѣтскую власть папы. Политическое пораженіе римской церкви, послуживъ къ уменьшенію ея вмѣшательства въ политическую жизнь народовъ, должно вернуть ее къ выполненію ея настоящаго призванія—призванія религіознаго. Такъ критиковать папскую дипломатію, которая, по замѣчанію *Osservatore romano*, всегда заслуживала похвалы за свою корректность показалось Ватикану столь серьезнымъ и грѣховнымъ фактомъ, что Мурри былъ по непосредственному приказанію папы лишенъ права богослуженія.

Въ апологетикѣ и философіи главами модернистовъ въ Италіи являются—даровитый ораторъ барнабитъ о. Семерія, молодой римскій профессоръ Эрнестъ Буонаути, который основалъ въ 1900 г. въ Римѣ журналъ: „Критико-историческое обозрѣніе богословскихъ наукъ“ съ такими же программой и тенденціями, какъ и *Studi Religiosi*, и знаменитый романистъ и поэтъ Антоній Фогаццаро, убѣжденный приверженецъ дарвинизма и широкаго участія мірянъ въ жизни церкви.

Итакъ между представителями модернизма въ Италіи имѣются четыре даровитыхъ священника: Минокки, Мурри, Семерія и Буонаути. Пій X, въ противоположность политикѣ Льва XIII, который старался удержать модернистское движеніе въ границахъ умѣренности, и избѣгалъ строгихъ мѣръ, только озлобляющихъ умы, но не отклоняющихъ ихъ отъ намѣченнаго пути, рѣшилъ, что строгость даетъ лучшіе результаты и что наказанія заставляютъ молчать новаторовъ. Самыя строгія мѣры были приняты противъ Мурри, который отъ христіанской демократіи открыто скользилъ по направленію къ социализму. Папа торжественно осудилъ національный демократическій союзъ и запретилъ священникамъ вступать въ него; непрерывный рядъ притѣсненій не привелъ къ желаемой цѣли, именно заставилъ Мурри снять съ себя санъ священства, и такимъ образомъ лишить его нравственнаго вліянія на итальянскую молодежь. Непримируемая кле-

рикальная печать, римская *Civiltà Cattolica* и флорентинская *Unita Cattolica* предприняли противъ него цѣлую кампанію. Но такъ какъ Мурри непоколебимо продолжалъ свое дѣло, то рѣшили подвергнуть его строжайшему наказанію лишенію права богослуженія. Не менѣе строгія мѣры были приняты противъ Буонаіути, потерявшаго кафедру исторіи церкви въ семинаріи Аполлинарія въ Римѣ, и противъ Семеріи, которому запретили проповѣдь, доставившую ему извѣстность въ Италіи.

Но модернистское духовенство, нашло выходъ, чтобы обезпечить торжество своихъ идей. Такъ какъ священникамъ было очень рискованно самимъ распространять ученія новокатолицизма, то они рѣшили остаться въ сторонѣ и выставить впередъ мірянъ. Особенно Мурри организовалъ самыя молодыя и дѣятельныя силы католическихъ мірянъ, которые и принялись за дѣло, какъ скоро ихъ учителя должны были сложить оружіе. Модернистское духовенство хранить теперь молчаніе, но цѣлая фаланга мірянъ, оставя осторожность въ выраженіяхъ и уловки двухсмысленныхъ терминовъ, смѣло борется за религіозную реформу католицизма. Мурри не будетъ уже больше фигурировать среди вожаковъ модернизма, но его вліяніе и авторитетъ перешли къ Фогаццаро, лицепворающему въ Италіи, а также и внѣ ея, реформистское движеніе.

Ватиканъ уже льстилъ себя надеждой, что новая секта раздавлена въ лицѣ ея представителей, какъ въ Италіи стали появляться религіозные журналы съ совершенно свѣтскими редакціями, которые, пренебрегая анаемами римскаго престола, объявляли, что для церкви необходимо, чтобы мірянъ не считали элементомъ совершенно пассивнымъ, годнымъ только на доставленіе денегъ на нужды богослуженія. Въ январѣ 1907 г. появился въ Миланѣ журналъ *Rinnovamento*, вдохновителями котораго являются Фогаццаро и молодой миланскій патрицій герцогъ Тома Галлерати-Скотти. Достаточно познакомиться съ программой новаго журнала, чтобы убѣдиться, насколько радикальны идеи религіознаго модернизма въ Италіи. *Rinnovamento* ставитъ себѣ цѣлью пробудить спящія души, заставивъ ихъ сбросить, какъ маски, старыя формы предрасудка, разорвать заколдованный кругъ формулъ, въ которыхъ онѣ нашли миръ, въ дѣйствительности

являющийся лишь сномъ. (стр. 3). Редакторы *Rinnovamento* провозглашаютъ эволюцію и вѣчную жизненность христіанства, которое есть жизнь, стремленіе всего нашего существа къ тому, что въ жизни составляетъ часть вѣчнаго, горѣніе нашего духа въ бурномъ, подчасъ томительномъ исканіи правды, растяженіе и жизнь души въ будущемъ. Напрасно заключали-бы мы его въ какія либо системы; оно по своей природѣ находится въ состояніи постояннаго образованія, разрывающаго старыя формы, чтобы вѣчно создавать новыя; оно—въ вѣчномъ движеніи творчества, подобно какому то божественному художнику, который безъ усталости и вѣчно неудовлетворенный, старается выразить въ мягкой глинѣ свой невыразимый идеаль (стр. 4). Редакторы *Rinnovamento* объявляютъ, что они не хотятъ связывать разумъ опредѣленными философскими и социальными теоріями, что они стремятся къ новой христіанской культурѣ, въ которой духъ Христа—духъ свободы, что они хотятъ искать истину, не заботясь о богословіи, и тѣмъ не менѣе не отказываясь отъ католицизма. По выраженію Фогаццаро, въ настоящее время существуетъ избранный кругъ людей мысли и науки, которые по отношенію къ христіанству занимаютъ положеніе Пилата, когда онъ у Христа спросилъ, что есть истина, и къ этимъ избраннымъ принадлежатъ редакторы *Rinnovamento* (стр. 9). Этимъ сравненіемъ итальянскаго романиста ловко воспользовалась *Civiltà Cattolica*, чтобы окрестить редакцію *Rinnovamento* эпитетомъ „собраніе новыхъ Пилатовъ, намѣреющихся произнести смертный приговоръ Христу.“

Въ Лугано въ Швейцаріи нѣкто Іосифъ Ренци, занимающийся изученіемъ богословскихъ вопросовъ, издалъ въ ноябрѣ 1906 г. первую книжку „интернаціональнаго обозрѣнія свободныхъ наукъ“ подъ заглавіемъ *Coenobium*. Это заглавіе было выбрано не безъ значенія. „Какъ на одной изъ тѣхъ трапезъ, на которыхъ философы-художники, отъ Платона до Франса, представляютъ намъ типы мыслителей со спокойной объективностію обмѣнивающихся разнохарактерными взглядами на міровые вопросы, въ такомъ смыслѣ и мы предлагаемъ это обозрѣніе какъ трапезу, *coenobium*, въ которой всѣ тѣ, въ комъ живы запросы и тревожный интересъ къ основнымъ вопросамъ мірозданія и человѣческой жизни, ея конечнаго смысла и цѣли, однимъ словомъ, въ комъ живо

религіозное чувство, могли бы вполне свободно выражать одинъ за другимъ, какъ въ философскомъ разговорѣ, свои взгляды и различныя точки зрѣнія“. Coenobium указываетъ въ своей программѣ на намѣреніе заниматься преимущественно религіозными вопросами, но обсуждать ихъ въ духѣ современной и свободной науки. „Религіи начинаютъ сбрасывать свои грубыя и матеріальныя формы, онѣ очищаются, какъ бы для того, чтобы сильнѣйшимъ напряженіемъ духовности выше пустить стрѣлу, въ самое сердце невидимаго. Какъ бы въ опроверженіе взгляда, принявшаго характеръ аксіомы, на исключительную значимость эмпирии и позитивизма, возникаютъ новыя религіи, если только новое толкованіе (Толстой) или новое распространеніе (западный буддизмъ) старыхъ воззрѣній можно назвать новыми религіями. Къ источнику мистицизма прибѣгаютъ утолять жажду и невѣрующіе, для которыхъ Богъ отождествляется съ индійской *нирваной* или съ *природой* Спинозы. И всѣ эти теченія, исканія, настроенія и тенденціи, исходящія изъ противоположныхъ точекъ, стремясь слиться въ одну гармоническую общую, широкую струю, напоминаютъ александрійскій періодъ, когда христіанство и язычество взаимно углубляя свои ученія, даже и въ пылу борьбы приходили въ тѣсное доктринальное соприкосновеніе... Тысячелѣтіе разнообразныхъ метафизическихъ гипотезъ и столѣтіе строго-научнаго воспитанія отняли у современной мысли всякую догматическую неподвижность... И поэтому свобода темы, изслѣдованія, какъ въ области спекуляціи, такъ и въ области фактовъ, есть настоящая духовная потребность многихъ возвышенныхъ умовъ, жаждущихъ истины, которымъ, опротивѣли догматизмъ и сектаторство (стр. 1—2)“.

Rinnovamento и Coenobium представляютъ итальянскій новокатолицизмъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ и съ наибольшей научной силой. Но въ Италіи появились и другія изданія съ той-же тенденціей обновленія религіозной мысли. Въ Римѣ выходитъ Rivista di Cultura, редактируемая Мурри, послѣдовавшая за Culture sociale, которая должна была прекратить свое существованіе. Во Флоренціи издается Studium, занимающійся по преимуществу научно-религіозными вопросами; Leonardo, цѣль котораго возобновленіе спиритуалистической философіи; въ Римѣ выходитъ журналъ Prose съ программой, по-

хожей на программу Leonardo и журналъ Ultra, изучающій теософическіе вопросы. Въ Мартина-Франка въ Апуліи издается Cultura religiosa и въ Палермо Rassegna di liberi Studi, имѣющій цѣлью изученіе религіозныхъ вопросовъ въ Италіи. „Эти новые журналы философскаго и религіознаго характера, ищутъ флорентійскіе Studi Religiosi,—краснорѣчивый знакъ того, что молодое поколѣніе, стремящее къ вѣчному торжеству будущаго надъ прошедшимъ, хочетъ не только бороться съ пагубнымъ умственнымъ застоємъ, происходящимъ отъ сухого и узкаго позитивизма безъ идеаловъ, но ставить своею задачей бороться за гармонію правъ разума и вѣры противъ выступленій т. н. неразумнаго консерватизма“ (1907. I, стр. 135).

Rinnovamento и Coenobium съ первыхъ же нумеровъ навлекли на себя самую строгую критику Civiltà Cattolica, которая ясно указала, что именно священники возбудили и управляютъ модернистскимъ движеніемъ и пользуются мірянами для его пропаганды. „Свѣтскіе сотрудники двухъ выше упомянутыхъ журналовъ, незнакомые съ богословіемъ, конечно виновны, подобно Пилату, возбуждая скептическіе вопросы и не надѣясь дожидаться на нихъ отвѣтовъ, и, такимъ образомъ, обрекая столько душъ на смерть скептицизма и невѣрія; но большая вина падаетъ на тѣхъ (и это не свѣтскіе), кто былъ внушителемъ и учителемъ въ этомъ заблужденіи“ (16 марта 1907, стр. 729). Studi Religiosi наоборотъ хвалили Coenobium, утверждая, что его программу можно вкратцѣ опредѣлить, какъ великое и настоятельное утвержденіе того спиритуализма, того сверхмірнаго стремленія, того буддійскаго воздыханія, которыми поглощена безпокойная современная душа (стр. 137).

Ватиканъ почувствовалъ себя безоружнымъ передъ этой массой журналовъ, читаемыхъ съ жадностью и горячо обсуждаемыхъ печатью, тѣмъ болѣе, что непримиримое католичество можетъ противопоставить этому наводненію только два журнала, имѣющіе нѣкоторое значеніе—Civiltà Cattolica и миланскій Scuola cattolica. Книги можно бы было запретить, хотя при современномъ упадкѣ религіознаго чувства у романскихъ народовъ, запрещеніе книги можетъ послужить ей какъ разъ лучшей рекламой. Въ самомъ дѣлѣ въ Римѣ книга священника Альберта Гутенъ о библейскихъ спорахъ

въ XX вѣкѣ, несмотря на ея запрещеніе, возбудила такой интересъ, что въ одну недѣлю было продано 500 экземпляровъ. Что-же касается журналовъ, то тактика конгрегации до сихъ поръ была—не запрещать ихъ. Но итальянская печать объявляетъ, что для Rinnovamento будетъ сдѣлано исключеніе, хотя онъ, какъ говорятъ сотрудники, будетъ продолжать выходить, несмотря на анаемы духовныхъ властей.

Главный характеръ упомянутыхъ журналовъ—ихъ религіозный эклектизмъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ перечнемъ ихъ сотрудниковъ. Въ немъ мы находимъ протестантовъ, каковы—философъ Эйкенъ и Павелъ Сабатье, рационалистовъ, позитивистовъ и даже еврея, Луиджи Луццати. Кроме того въ немъ участвуютъ бывшій іезуитъ Тиррель, Мурри и священникъ Баттаини. Достойна вниманія статья этого послѣдняго, помѣщенная въ первой книжкѣ Соеновіумъ, о характерѣ христіанства. Въ ней Баттаини такъ рисуется нравственный обликъ современнаго католицизма. „Въ современномъ католицизмѣ почитаніе святыхъ и священныхъ изображеній иногда какъ бы заслоняетъ собою поклоненіе Христу и если и не уничтожаетъ его, то какъ-бы отодвигаетъ на второй планъ. Суевѣріе поднимаетъ голову и видимо поглощаетъ истинное проявленіе религіознаго чувства. Появляются все новые святые и мадонны и св. Эспедитъ, святой по меньшей мѣрѣ сомнительнаго происхожденія, пользуется большимъ поклоненіемъ чѣмъ Христосъ; священники, вмѣсто того, чтобы вести вѣрующихъ къ алтарю Бога живаго и истинныхъ святыхъ, соревнуютъ по видимому въ фанатизмъ съ народомъ, создавая новыхъ воображаемыхъ святыхъ. Религія смѣшивается даже съ преступленіями; изъ религіи дѣлаютъ орудіе власти; тайнствами и особенно исповѣдью злоупотребляютъ для свѣтотатственныхъ и развратныхъ цѣлей; религія смѣшивается съ политикой, забывая что царство Божіе не отъ міра сего, что ненависть осуждена, что намъ вмѣнены въ обязанность чистосердіе, честность и любовь; смѣшиваютъ религію съ суммой отдѣльныхъ благочестивыхъ упражненій, вполне бесполезныхъ или смѣшныхъ; смѣшивается религія съ идеями политической или философской партіи или съ богословскимъ мнѣніемъ“ (стр. 116). Послѣ этой мрачной картины Баттаини опредѣляетъ задачу модернизма. „Въ настоящую минуту

римскій католицизмъ переживаетъ серьезный кризисъ и этотъ кризисъ происходитъ не отъ внѣшней борьбы, но отъ внутренней дезорганизации, являющейся результатомъ духовнаго застоя въ продолженіе трехъ вѣковъ. Думали, и многіе еще и теперь думаютъ, что Тридентскій соборъ представляетъ собою высшее выраженіе религіознаго сознанія и дисциплинарной организациі. Между тѣмъ онъ представляетъ теперь только одинъ изъ этаповъ на пути развитія христіанства... Мы католики-модернисты убѣждены, что католицизмъ не замедлитъ войти въ теченіе современной жизни, потому что само развитіе христіанства еще не завершилось и идеи его плодотворны. За святоотеческимъ періодомъ развитія церковной догматики, послѣдовалъ долгій періодъ развитія схоластической метафизики. Теперь настала очередь критическаго и психологическаго развитія и какъ тѣ совершили свой путь, такъ и это неизбежно должно совершить свой путь и совершить его, несмотря ни на какое стѣненіе“ (стр. 118).

Если священники такъ ясно выражаются, предлагая реформу католицизма, то неудивительно, что міряне идутъ дальше и требуютъ критическаго пересмотра всѣхъ догматовъ христіанства. Христіанское богословіе представляется имъ запущеннымъ вѣками садомъ, который заросъ паразитной растительностью и гдѣ между деревьями и цвѣтами расплодились вредныя травы и колючій репейникъ, заглушающіе полезныя растенія. Слѣдуетъ поэтому вновь вскопать землю, вырвать съ корнемъ сорныя травы, чтобы выступила красота немногихъ цвѣтовъ, посаженныхъ божественнымъ Садовникомъ. Въ своемъ благоговѣніи предъ формулами богословскій догматизмъ фальсифицировалъ экзегетику, преданіе, исторію, приспособляя ихъ къ своимъ понятіямъ; теперь нужно слѣдовать обратнымъ путемъ: экзегетика и историческая критика призваны судить о догматѣ, разъяснить его, дать ему смыслъ, соответствующій современнымъ понятіямъ жизни и духа, освобожденнаго отъ богословскаго предразсудка. Модернизмъ—стало быть—теоретическое упрощеніе христіанскаго богословія, а съ практической стороны—обновленіе церкви и преобразование ея въ духъ большей секуляризаціи.

Въ чемъ состоятъ религіозныя доктрины модернизма въ Италіи?.... Выслушаемъ сперва его противниковъ. Между этими первое мѣсто занимаютъ епископы, которые, замѣтивъ сильнѣйшую антипатію Пія X къ модернизму, поспѣшили подхватить тонъ, заданный Ватиканомъ. Идеи итальянскихъ епископовъ выражены въ такъ называемыхъ пастырскихъ посланіяхъ, которыя епископы каждой епархіи въ началѣ великаго поста посылаютъ своему духовенству для того, чтобы онѣ были прочитаны вѣрующимъ въ церквахъ. Предметъ епископскихъ посланій обыкновенно аскетическаго характера или онѣ содержатъ увѣщанія къ исполненію христіанскихъ обязанностей. Однако въ 1906 г. предметомъ многихъ изъ нихъ былъ модернизмъ, даже въ такихъ епархіяхъ которыя не знаютъ еще, можетъ быть, что такое модернизмъ. Такимъ образомъ получилось около сотни анти-модернистскихъ посланій, въ которыхъ итальянскіе епископы доказали свое рвеніе и болѣе или менѣе пространно изложили преобразовательную программу модернистовъ. Эти документы не бесполезны будутъ для будущей исторіи такъ называемой новой ереси.

Въ общемъ посланіи, обращенномъ восемнадцатю архі-епископами областей (называющихся марками) къ ихъ духовенству и народу, модернистамъ приписываются слѣдующія ученія: „Католическая церковь устарѣла. Та одежда, которая ей довольно хорошо шла въ прошломъ, не пристала ей больше, вышла изъ моды. Нѣкоторыя формы богослуженія, нѣкоторыя дисциплинарныя правила, нѣкоторые догматы по существу и особенно по формѣ, въ которой они выражены, не согласуются болѣе съ требованіями времени. Для многихъ, особенно для интеллигентныхъ, эти устарѣлыя формы церковной жизни и ученія задерживаютъ ихъ предрасположеніе вступить въ лоно церкви, а другихъ, которые уже находятся въ ней, побуждаютъ къ отдѣленію отъ нея. Поэтому было бы чрезвычайно хорошо очистить церковь отъ всего устарѣвшаго, какъ въ догматѣ и дисциплинѣ, такъ и въ христіанскомъ строѣ жизни. Съ преобразованиемъ католической церкви, съ обновленіемъ ея согласно требованіямъ времени, будетъ облегчена дорога къ ней и для отдѣлившихся, и вѣрующіе будутъ къ ней болѣе привязаны, будутъ ее больше любить, не будутъ больше введены въ искушеніе покинуть ее“.

По взгляду виченцскаго епископа, модернизмъ страшнѣе и коварнѣе безбожія. Люциферъ воодушевилъ фалангу людей, которые лживо высказываютъ поклоненіе Богу, любовь къ религіи, къ христіанству и выставляютъ на показъ свое глубокое огорченіе по поводу упадка вѣры: увѣряютъ, что римскій первосвященникъ и духовенство исказили ея настоящій обликъ и поэтому ее слѣдуетъ освободить отъ историческихъ наростовъ;—что необходимо выработать себѣ понятіе о Божествѣ болѣе возвышенное, болѣе благородное, чѣмъ то, которое обыкновенно имѣютъ; что слѣдуетъ вернуть человѣчество къ истинному поклоненію Богу, къ поклоненію въ духѣ и истинѣ. Ихъ ученіе — зловонный гной, ядъ заблужденія и невѣрія подъ личиною религіозности и правовѣрія.

Сущность модернизма состоитъ въ духѣ возмущенія противъ авторитета церкви. Модернисты, пишетъ катанскій архіепископъ, хотятъ управляться сами собой, предписывать церкви законы, пользоваться ею для своихъ честолюбивыхъ цѣлей и гордости. По епископу бергамскому, они стремятся отдѣлиться отъ центра церковнаго единства, ограничить высшую власть намѣстника Іисуса Христа и добиться того, чтобы ихъ считали мудрѣйшими и учителями высшаго главы церкви. По архіепископу кальярскому, модернисты издѣваются надъ всякой дисциплиной, желаютъ новшествъ, которыхъ церковь не можетъ допустить, возвышаютъ свой авторитетъ надъ нею, осуждая и критикуя ее, встаютъ противъ духовной власти, объявляютъ себя независимыми, обходятъ всевозможными хитростями увѣщанія и мѣропріятія своихъ пастырей, унижаютъ самыми оскорбительными инсинуаціями тѣхъ, кого Духъ Святой поставилъ управлять церковью, проповѣдуютъ величайшее заблужденіе, будто папа и епископы имѣютъ право судить только въ дѣлахъ вѣры и нравственности, но не имѣютъ права руководить социальными вопросами и слѣдить и заботиться о нравственности и честности въ политической жизни,—заблужденіе, осужденное св. отцомъ Піемъ X въ его первой публичной рѣчи, въ консисторіи 9 ноября 1903 г. Для справки приведемъ и самыя слова, произнесенныя Піемъ X въ этой рѣчи: „Наша обязанность руководить людьми, всѣми вмѣстѣ и каждымъ въ отдѣльности, по нормѣ и правиламъ нравственности въ жизни

частной и общественной, въ области социальной и политической и не только тѣми, которые подчиняются, но и тѣми, которые приказываютъ (государи и подданные). Мы знаемъ, что многіе съ удивленіемъ услышатъ, что намъ принадлежитъ право заниматься также и политическими дѣлами. Однако несомнѣнно то, что первосвященникъ не можетъ отдѣлить вопросовъ политики отъ того, что касается вѣры и нравственности, въ сферѣ которыхъ онъ высшій учитель“.

Епископъ ачеренскій и матерскій напоминаетъ, что Иисусъ Христосъ постановилъ въ христіанствѣ учительскую власть, живую, вѣчную и непогрѣшимую, которая судить, но не можетъ быть судима, передъ которою должны являться ученые, духовные и міряне не для того, чтобы предлагать новые догматы, но для испытанія ихъ ученія и жизни и чтобы получить безапелляціонное рѣшеніе въ смыслѣ одобренія или осужденія. Въ подчиненія этой авторитетной учительской власти не жизнь, а заблужденіе, возмущеніе и гибель. Модернизмъ искажаетъ эти фундаментальныя основы устройства церкви, высказываясь за право всеобщаго участія въ церковныхъ рѣшеніяхъ, за компетенцію свѣтскихъ наукъ въ вѣроученіи, за контроль мірянъ въ іерархіи, за церковную дисциплину болѣе согласную съ направлениемъ времени. „Никогда не было слыхано въ церкви Божіей, что Иисусъ Христосъ установилъ общественное мнѣніе и свѣтское общество органами Святаго Духа, подсказывать и направлять папу и іерархію въ управленіи церковью. Доктринальная дерзость модернистовъ непримирима съ непрекаемыми догматическими и традиціонными опредѣленіями. Обязанность духовенства и мірянъ не въ томъ, чтобы предшествовать, двигать и навязывать свой авторитетъ, но слѣдовать и соображаться съ веденіемъ, наставленіями, правилами законной власти, постановленной Богомъ для управленія вѣрующими“.

Стало быть, согласно мнѣнію итальянскихъ епископовъ, модернизмъ представляетъ усиліе низшаго духовенства и мірянъ достигнуть болѣе дѣятельнаго участія въ доктринальной жизни церкви. Не хотятъ болѣе признавать за іерархіей исключительнаго права предписывать законы, отождествлять съ іерархіей всю церковь; съ этой цѣлью хотятъ сперва ограничить папскія и епископскія права, а затѣмъ дозволить

низшему духовенству и мірянамъ выражать свое сужденіе въ вопросахъ, касающихся жизни церкви.

Откуда происходитъ модернизмъ?... Итальянскіе епископы производятъ его непосредственно отъ протестантства. Соррентинскій епископъ пишетъ, что раціоналистская критика Германіи съ дьявольской гордостью замѣнила почтенныя традиціонныя доказательства критическимъ изслѣдованіемъ фактовъ и воодушевила французскихъ и итальянскихъ богослововъ, мнящихъ себя болѣе компетентными, чѣмъ учащая церковь, и предпочитающихъ внутреннія доказательства личной критики вѣншимъ доказательствамъ непогрѣшимаго авторитета церкви; они считаютъ себя мудрецами, а на самомъ дѣлѣ стали глупцами. По словамъ веронскаго епископа, модернизмъ поднимаетъ старый флагъ Лютера и, какъ Лютеръ, разстраиваетъ весь строй христіанской системы, іерархію, библейскую науку, догматическое и нравственное богословіе, аскетику, церковное право. Онъ портитъ и извращаетъ съ протестантской дерзостью и раціоналистской наглостью чистоту евангельскаго ученія. Онъ памфретається привести католическія страны въ состояніе протестантскихъ. Туринскій архіепископъ находитъ, что модернизмъ воспроизводитъ то своеобразное ученіе, которое представляетъ собою темное пятно въ исторіи католицизма въ тринадцатомъ вѣкѣ. Во главѣ съ аббатомъ Іоахимомъ (намекаетъ на Іоахима Калабрійскаго, умершаго въ 1202 г., сочиненія котораго были осуждены, какъ еретическія на соборѣ въ Арлѣ въ 1263 г.) личности гордыя и не терпящія никакого авторитета объявляютъ, что настало время внутренняго торжества благодати, внутренняго просвѣтленія святымъ Духомъ и толкуютъ объ эволюціи догматовъ, отмѣнѣ благочестивыхъ упражненій, о новомъ богослуженіи, неизвѣстной до тѣхъ поръ мудрости, о полной реформѣ. „Кто читаетъ исторію этихъ заблужденій и затѣмъ просматриваетъ книги нынѣшнихъ реформистовъ, найдетъ много общаго въ ихъ болтовнѣ и ту же старую ересь. Слѣдуетъ однако прибавить, что главы современнаго движенія, наученные опытомъ, дѣйствуютъ осторожнѣе и отлично умѣютъ облекать заблужденіе въ двусмысленныя, лукавыя выраженія, оберегая себя, вводя въ обманъ простяковъ, примѣняясь къ духу времени и льстя гордымъ направленіямъ ложной науки“. По мнѣнію архіепископа миланскаго

и другихъ итальянскихъ епископовъ, богословскія ученія модернистовъ могутъ быть сведены къ слѣдующему. Пророчества, относящіяся ко Христу и его церкви, сомнительны; чудеса не могутъ быть доказаны исторически и научно и потому не могутъ быть примѣнимы для доказательства истины христіанства. Существованіе Бога не можетъ быть доказано человѣческимъ разумомъ и то-же самое должно сказать о безсмертіи души и о свободѣ; не существуетъ ясныхъ аргументовъ въ пользу божественности Христа и его воскресенія; въ первыхъ трехъ евангеліяхъ Іисусъ Христосъ ни разу не утверждаетъ своей божественности; Онъ не сознавалъ своего божественнаго назначенія, и основаніе церкви—фактъ случайный; будущая жизнь рѣшится, по ученію Христа, въ одинъ прекрасный день общимъ блаженствомъ воскресшаго человѣчества; таинство евхаристіи—простой символизмъ; авторитетъ соборовъ относителенъ; область сверхестественнаго не существуетъ; первенство и непогрѣшимость папы должны быть допускаемы съ подобающими ограниченіями; многія формы культа, благочестивыхъ упражненій, братствъ, аскетизма слишкомъ устарѣли, монастырская жизнь обезпложиваетъ драгоценныя силы, губить ихъ въ душевной атмосферѣ, догматы способны принимать новыя формулы, которыя ихъ дѣлаютъ менѣе неприятными и сообразуютъ ихъ со вторымъ и третьимъ откровеніемъ, происходящими черезъ науку и таинственно и непосредственно въ человѣческой душѣ.

Таковы заблужденія, открытыя итальянскими епископами въ модернизмѣ. Для того, чтобы помѣшать ихъ распространенію въ рядахъ молодого духовенства, епископы марокъ запретили въ своемъ пастырскомъ посланіи чтеніе журналовъ *Studi Religiosi*, „Историко-критическое обозрѣніе богословскихъ наукъ“ и сочиненія священниковъ—модернистовъ **Минокки**, **Семерія**, **Мурри Гиньони**, **Буонаіути** и **Буонаккорен**, представляющихъ самый образованный и дѣятельный элементъ итальянскаго духовенства.

Многіе изъ вышеупомянутыхъ ученій дѣйствительно проповѣдуются итальянскими модернистами. Но ихъ главныя тенденціи можно свести къ тремъ пунктамъ: 1) смягчить доктринальную неподвижность католицизма, 2) допустить

умѣренную эволюцію христіанскаго догмата, 3) ввести радикальнныя измѣненія въ нынѣшній строй римской церкви.

Чтобы смягчить доктринальную неподвижность католицизма, модернисты изучаютъ исторію религіозной мысли и утверждаютъ, что христіанство не есть внезапное откровеніе въ жизни человѣчества, но продуктъ медленнаго развитія раньше существовавшихъ религіозныхъ и философскихъ элементовъ, къ которымъ, особенно благодаря генію св. Павла, привилось ученіе Христа. „Различныя религіи нельзя представлять какъ только приведенныя въ систему виды одного общаго типа, которые отдаляются отъ него одинъ въ одну, другой въ другую сторону; онѣ могутъ скорѣе, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, быть разсматриваемы какъ послѣдовательныя стадіи одного общаго прогрессивнаго развитія, въ которыхъ каждое послѣдующее звѣно заключаетъ и предполагаетъ въ себѣ предшествовавшее“ (Rinnovamento, п. 1, стр. 21). Въ началѣ своего существованія, христіанство явилось скорѣе какъ жизнь, какъ непосредственно переживаемая религія, нежели какъ система ученій. Сперва облеченное въ одежду еврейства, оно благодаря особенно св. Павлу, сбросило ее. Освобождаясь отъ препятствія національной религіи, разрастаясь съ увеличеніемъ числа своихъ приверженцевъ, оно чувствуетъ необходимость организоваться и въ доктринальномъ отношеніи. Въ самомъ началѣ Иисусъ представляется обѣтованнымъ Мессіей; позднѣе онъ Богочеловѣкъ; затѣмъ появляется Логосъ, какъ первое проникновеніе греческой философіи въ христіанскія умозрѣнія; затѣмъ обращаются въ христіанство философы и вносятъ въ христіанство научныя методы. Такимъ образомъ христіанство является религіей ассимилистической. Согласно аббату Луази, христіанство, смѣняя старыя религіи, не могло не принять изъ нихъ нѣкоторыхъ элементовъ, заключавшихся въ этихъ религіяхъ; оно не могло бы сдѣлаться религіей грековъ, римлянъ, германцевъ безъ того чтобы сдѣлаться *всѣмъ* для нихъ и безъ того чтобы занять многое у нихъ же (L'Évangile et l'Église, Paris, 1903, стр. 234). Въ своемъ богословскомъ развитіи оно ассимилировало себѣ прежде всего элементы языческой, главнымъ образомъ греческой философіи; для своего литургическаго и этическаго содержанія, оно ассимилировало себѣ многія формы культа и іерархіи тѣхъ

время и народовъ, среди которыхъ оно развивало свое существованіе. Если такимъ образомъ христіанство есть религиозный эклектизмъ, католицизмъ, составляющій одну изъ его вѣтвей, не въ правѣ требовать только для себя монополии религиозной жизни. Мы видимъ, пишутъ редакторы *Rinnovamento*, что религиозная жизнь совершается, но не исчерпывается въ католицизмѣ. Границы вѣры гораздо шире границъ церкви и тревоги передъ тайной и исканіе божества въ различныхъ формахъ—универсальны. Если догматъ превратить въ границу нашихъ изысканій, мы станемъ нѣкоторымъ образомъ, менѣе католиками. Модернистскій католицизмъ стремится осуществить въ мірѣ духовное единство, обходя догматическіе вопросы. Онъ хотѣлъ бы, по выраженію Гарнака, въ его извѣстной рѣчи о католицизмѣ и протестанствѣ въ Германіи (*Protestantismus und Katholizismus im Deutschland, Preussischen Jahrbuch. 1907, n. 11, стр. 294—311*), достичь между различными христіанскими вѣроисповѣданіями не внѣшняго единства, но высшей ступени внутренней общности. вмѣсто анаеомъ лучше оставить въ сторонѣ вопросы, касающіеся вѣроисповѣданій, потому что интересы христіанства важнѣе интересовъ отдѣльныхъ вѣроисповѣданій (*Rinnovamento, 3, стр. 350*).

Уничтоживъ внѣшнюю неуступчивость, модернистскій католицизмъ хочетъ, чтобы западное богословіе преобразовало понятіе и значеніе догмата. „Вѣрно, что для того, чтобы быть христіанами, слѣдуетъ признать по крайней мѣрѣ существованіе тождества нынѣшняго христіанства съ христіанствомъ Христа и его апостоловъ. Но въ то же время слѣдуетъ допустить, что мы исповѣдуемъ теперь догматы, которыхъ не исповѣдовали во времена св. Петра и даже нѣсколько столѣтій позднѣе... Развѣ можно назвать старымъ и христіанскимъ догматъ безпорочнаго зачатія Маріи?.. Развѣ можно сказать, что Христосъ училъ, сообщилъ намъ черезъ откровеніе, запечатлѣлъ своимъ авторитетомъ этотъ догматъ, выведенный церковью послѣ двадцативѣкового существованія. Ошибается тотъ, кто хочетъ утверждать, что всѣ элементы современнаго христіанства реально существовали въ первобытномъ христіанствѣ: стало быть догматическій принципъ долженъ согласоваться съ историческими фактами (*Rinnovamento, 3, стр. 363*). Христіанство по своей природѣ

прогрессивно. Цикль его эволюціи завершится только тогда, когда будетъ завершеиъ цикль эволюціи жизни человѣчества. Недуги, которыми страдаетъ западный католицизмъ, происходятъ именно отъ того, что въ доктринальной жизни церкви наступилъ періодъ застоя. Продолжительный періодъ мира усыпилъ христіанскую совѣсть; люди церкви считали невозможнымъ новое развитіе, слишкомъ положились на помощь Бога, допустили, что вѣра привычки вытѣснила вѣру совѣсти и разума. Но жизнь продолжала идти своимъ путемъ. Человѣческій разумъ, удаленный отъ религіознаго изслѣдованія (потому что эти изслѣдованія превратились въ монополію духовенства) обратился къ другимъ областямъ разысканій, открывшихъ новые горизонты и настала день, когда духовенство оказалось неспособнымъ разрѣшить задачи жизни, сдѣлавшіяся религіозными задачами (Соенобіум, 1, стр. 117). Отъ интеллектуальной неподвижности духовенства произошелъ въ современномъ католицизмѣ кризисъ въ его внутренней жизни и въ его догматическомъ развитіи. „Въ настоящее время дѣло не въ ересяхъ и расколѣ; вопросъ въ томъ будетъ-ли католицизмъ въ виду всеобщаго обновленія научной мысли имѣть достоточно силы, чтобы ассимилировать ее и перевести свой догматъ на нашъ языкъ, какъ оно сумѣло перевести его на языкъ средневѣковый и какъ можно надѣяться, принимая во вниманіе его прошлое и внутреннюю способность къ развитію, или же захочетъ, отвергая представителей философіи и богословской науки, отказаться отъ всякаго принаровленія къ интеллектуальнымъ требованіямъ современнаго человѣчества, утверждая рѣзкое отдѣленіе богословія отъ современной мысли, какъ этого желаютъ его враги (Rinnovamento, 9, стр. 68). Обновленіе католицизма состоитъ въ обновленіи его догматическаго содержанія. „Церковь, пишетъ Луази, не требуетъ вѣры, въ свои формулы, какъ бы въ выраженія вполне соразмѣрныя абсолютной истинѣ, но она предлагаетъ ихъ, какъ по возможности менѣе несовершенное выраженіе ея“ (стр. 174). Развитіе догмата было бы нелѣпо въ христіанствѣ, если бы онъ былъ чистой и простой мыслью Бога. Но мысль Бога можетъ сдѣлаться догматомъ только воплощаясь въ мысли человѣка и такъ какъ эта послѣдняя подвержена эволюціи, какъ пишетъ Семерія, то необходимо, чтобы и догматъ подлежалъ той-же

эволюціи (Догмать, іерархія и культъ, стр. 54). Изъ этого вытекаетъ необходимость приноровить христіанское богословіе къ философіи Канта и Гегеля, исключить изъ народнаго, грубаго представленія о Богѣ, о Привидѣніи, о божественномъ внушеніи, о чудѣ все то, что устарѣло и не согласуется съ нашимъ болѣе просвѣщеннымъ представленіемъ о мірѣ. Словомъ, слѣдуетъ преобразовать догмать, дать ему, по мнѣнію Ле Руа, нравственное значеніе, оставить неизмѣннымъ выражающую его формулу, но измѣнить его смыслъ.

Къ такому догматическому очищенію конечно относится враждебно духовная власть и поэтому необходимо, чтобы современный строй церкви обновился и освободился отъ клерикализма. Любимое выраженіе Мурри—что онъ католикъ, но не клерикаль. По мнѣнію священника модерниста Донати, католическая іерархія виновна въ томъ, что католицизмъ упалъ въ общемъ мнѣніи, потому что она занимается второстепенными вопросами, свѣтской властью, и пренебрегаетъ задачей первой важности—примиреніемъ цивилизаціи и науки съ Христомъ. Великія идеи обновленія всегда подымались снизу, изъ низшаго духовенства. Прежде чѣмъ іерархія приступитъ къ залечиванію ранъ, необходимо, чтобы она нашла путь очищеннымъ и подготовленнымъ лучшими священниками и мірянами (Кавалланти, стр. 105—106). Другой модернистскій журналъ увѣряетъ, что римско-католическіе епископы сдѣлались автократами, живутъ какъ св. Симеонъ Столпникъ на столбѣ и не понимаютъ нужды толпы, проходящей у ихъ ногъ. Въ социальныхъ вопросахъ они отстаютъ почти на полвѣка (ib. стр. 82). По словамъ мурриевскаго *Cultura Sociale*, безусловная зависимость мірянъ отъ епископовъ, проповѣдуемая теперь римскою церковью, не имѣетъ примѣра въ исторіи христіанства. И Мурри особенно нападаетъ на епископовъ, авторитетъ которыхъ слишкомъ разросся и утвердился въ послѣдніе вѣка, сдѣлался слишкомъ неподвижнымъ хранителемъ традицій и внѣшней формы. Епископы не желаютъ преобразованія и обновленія и даже если бы желали, не могутъ ихъ осуществить, потому что реформы задуманы епископами въ бюрократическомъ духѣ, а проведеніе реформы въ бюрократическомъ духѣ чрезъ посредство дѣйствующей власти дало бы только реформы совершенно не соответствующія нуждамъ времени. Католицизмъ потерпѣлъ

много вреда на западѣ, потому что авторитетъ епископовъ замѣнилъ личную инициативу; поэтому епископы не спасутъ католицизма, но спасетъ его только духъ свободы. Теперь по винѣ іерархіи въ Италіи имѣется католицизмъ слабый, упорный въ своихъ старыхъ политическихъ понятіяхъ, католицизмъ политическій, защищающій только реакціонные и консервативные интересы, борющійся противъ демократическаго направленія“. Всѣ эти выраженія взяты изъ *Cultura Sociale* Мурри и приблизительно въ той же формѣ повторяются реформистскою печатью итальянскаго духовенства.

Итакъ средство для примиренія католицизма съ наукой, цивилизаціей и современнымъ обществомъ заключается въ его демократизаціи. Бывшій іезуитъ Тиррель защищаетъ эту теорію въ 4 книжкѣ *Rinnovamento* съ тѣмъ обаяніемъ слова, которое ему присуще. Священникъ, по взгляду Тиррела, есть должностное лицо, получившее власть и авторитетъ учить, управлять религіознымъ обществомъ и отправлять его обряды. Эту власть онъ получилъ не для себя, но для общества вѣрующихъ. Іерархія фальсифицировала это понятіе о священствѣ, полагая священника внѣ и надъ обществомъ, производя авторитетъ священства непосредственно отъ Бога и такимъ образомъ дѣлая его отвѣтственнымъ за свои дѣйствія только передъ Богомъ.

„Что касается насъ, продолжаетъ Тиррель, мы полагаемъ, что никогда ни одинъ человекъ не видѣлъ Бога, какъ внѣ что внѣшнее, отдѣленное отъ свѣта и человечества; никто никогда не слышалъ его говорящимъ съ облаковъ или изъ неопалимой купины или съ вершины Синая. Мы довольствуемся имѣть Бога молчаливаго и скрытаго, искать его тамъ, гдѣ только Онъ и можетъ быть найденъ, видимъ и слышанъ, близко, а не далеко, внутри, а не внѣ насъ, въ живомъ сердцѣ Его созданія, въ центрѣ человѣческой души, въ жизни каждаго, и еще болѣе въ жизни человечества. Съ Синая общественной совѣсти онъ громогласно возвѣщаетъ свои заповѣди и свои приговоры. Принципъ христіанства демократическій. Іерархія требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ и рѣшеніямъ, но иногда послушаніе низшей власти можетъ быть ослушаніемъ высшей; вѣрность начальству можетъ быть измѣной церкви и отечеству. Въ церкви власть не представляетъ внѣшняго дѣйствія, нисхо-

дѣшаго съ неба какъ лучъ солнца сквозь облака; власть не есть свѣтозарный перстъ, возлагаемый на опредѣленныхъ личностей, произвольно избранныхъ изъ среды людей въ намѣстники Бога. Власть есть нѣчто присущее всему человѣчеству, постановленіе общей совѣсти. Самый терминъ: церковь—демократическаго происхожденія и ничего не можетъ быть противнѣе духу евангелія, какъ дѣлать изъ него синонимъ общества духовныхъ. И въ первыя времена христіанства іерархія понималась, какъ зависящая въ нѣкоторомъ родѣ отъ общаго состава вѣрующихъ, какъ духовныхъ такъ и мірянъ. Одно вѣрно, восклицаетъ Тиррель, демократія завоеуетъ человѣчество. Власть въ духѣ абсолютизма будетъ непонятна для будущихъ поколѣній и если власть папы, епископовъ и соборовъ не демократизируется, она умретъ, какъ умерли богословскія системы дѣтской поры человѣчества; чтобы повелѣвать природой, надо ей подчиняться; чтобы управлять общественнымъ духомъ, нужно, чтобы священство ему подчинялось. Кто захотѣлъ бы взять его приступомъ и бросится на него очертя голову, тому плохо придется и онъ можетъ быть совершенно раздавленъ, если коллективная совѣсть обратится противъ него. Для того, чтобы религія могла еще имѣть вліяніе и силу въ современной цивилизаціи и культурѣ, слѣдуетъ, чтобы не считали ее внѣднимъ тѣломъ, но предметомъ выросшимъ вмѣстѣ съ нами изъ того же корня человѣческаго духа“. Затѣмъ Тиррель оканчиваетъ свою статью, озаглавленную: „Отъ Бога или отъ людей?“... слѣдующими словами: „Первоначальное понятіе о іерархіи, какъ представительницѣ всей церкви т. е. всѣхъ вѣрующихъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, это демократическое понятіе, которое единственно можетъ имѣть жизненное соприкосновеніе съ современнымъ человѣчествомъ, утверждаетъ свое господство; можно надѣяться, что въ скоромъ времени мы вернемся къ болѣе истинно-христіанскому и католическому пониманію демократическаго характера всякой власти, какъ гражданской такъ и духовной и той свободы, которую Христосъ насъ освободилъ“.

Такова программа реформъ католическаго модернизма, развившагося не только въ Италіи, но во всѣхъ католическихъ.

націяхъ. Въ блестящемъ рефератѣ, читанномъ въ Парижѣ 18 января 1907 г., въ École des Hautes Etudes, Фогаццаро такимъ образомъ обрисовалъ нравственный обликъ Джованни Сельва, романческаго псевдонима религіознаго модерниста: „Джованни Сельва принадлежитъ міру реальности. Его настоящее имя легионъ. Онъ живетъ, мыслитъ и работаетъ во Франціи, въ Англии, въ Германіи, въ Америкѣ, какъ и въ Италіи. Одѣтъ въ рясу, или форму или въ партикулярное платье, показывается въ университетахъ, скрывается въ семинаріяхъ, борется въ печати, молится въ тѣни монастырей, почти не проповѣдуетъ болѣе, но читаетъ рефераты. Онъ экзегетъ, историкъ, богословъ и ученый, журналистъ и поэтъ. Не всегда писатель, иногда только увлекающійся читатель, только вѣрующій и мыслитель; республиканецъ, монархистъ, христіанскій демократъ, просто либераль. Наконецъ онъ все то, чѣмъ честный католикъ можетъ быть; онъ не модернистъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, но современень. Онъ болѣе современень, чѣмъ кто либо, потому что почти не старѣетъ и никогда не умираетъ, что даетъ ему возможность быть католикомъ сегодня и завтра, углубляя въ то же время свои корни въ прошломъ. Онъ считаетъ себя силой, что равняется быть ею; онъ считаетъ себя жизненной энергіей въ лонѣ римской церкви, того колоссальнаго организма, о которомъ говорятъ въ свѣтѣ, что его артеріи закалились отъ старости, что оно потеряло способность принаравливаться къ средѣ и что оно поражено атаксіей. Онъ убѣжденъ, что будущее готовитъ церкви необычайное обновленіе и что и онъ призванъ содѣйствовать этому болѣе или менѣе обильнымъ сообщеніемъ жизненныхъ силъ“.

Этими словами Фогаццаро указываетъ, что модернизмъ не есть единичное явленіе, происходящее только въ Италіи, но фактъ, совершающійся одновременно во всѣхъ католическихъ странахъ, доктринальное движеніе, захватывающее духовенство, монастыри, свѣтское общество. Какъ относится римская церковь къ этому движенію?... Противники модернизма съ доминиканцемъ Альбертомъ Вейсъ, профессоромъ католическаго университета въ Фрейбургѣ въ Швейцаріи говорятъ, что считать христіанство способнымъ къ улучшенію и даже, что оно необходимо должно быть улучшено — было всегда

самымъ упорнымъ заблужденіемъ, противъ котораго христіанство должно было бороться (Реформа религіи и преобразовательныя религіи современной эпохи, Флоренція, 1905 г., стр. 1). Того же мнѣнія *Civiltà Cattolica*, увѣряющая, что прогрессъ въ христіанствѣ въ области догматической или административной или дисциплинарной — абсурдъ. И эти теоріи повидимому преобладаютъ въ настоящее время въ римской церкви по отношенію къ модернизму.

Дѣйствительно *Osservatore Romano* публиковалъ 2 мая письмо кардинала Андрея Штейнгюберъ, префекта конгрегациі списка запрещенныхъ книгъ, къ кардиналу Феррари, архіепископу миланскому, въ которомъ пишетъ, что члены этой конгрегациі до сихъ поръ воздерживались отъ осужденія уже выпедшихъ номеровъ журнала *Rinnovamento*, но выражаютъ свое огорченіе по поводу того, что такъ называемыми католиками издается журналъ совершенно противный католическому духу и ученію. „Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что такіе писатели смущаютъ совѣсть другихъ и въ своей гордости принимаютъ позу учителей и почти докторовъ церкви. И прискорбно видѣть въ числѣ корчащихъ изъ себя учителей церкви, присвоивающихъ себѣ право учить самаго папу, имена Фогаццаро, Тирреля, фонъ Гюгеля, Мурри. И между тѣмъ, какъ такія личности толкуютъ съ такою гордостью о труднѣйшихъ богословскихъ вопросахъ и важнѣйшихъ дѣлахъ церкви, издатели увѣряютъ, что это журналъ свѣтскій и дѣлаютъ различіе между католицизмомъ официальнымъ и неофициальнымъ, между догматами определенными церковью какъ истины, въ которыя должно вѣрить и имманентностью религіи въ индивидахъ. Словомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что журналъ основанъ съ намѣреніемъ поощрять опаснѣйшій духъ независимости отъ учительскаго авторитета церкви и преобладанія частной мысли надъ мыслью самой церкви и чтобы сдѣлаться школой, подготовляющей антикатолическое обновленіе умовъ“. Конгрегациа предлагаетъ затѣмъ кардиналу Феррари призвать издателя названнаго журнала, чтобы приказать ему отказаться отъ столь пагубнаго и недостойнаго истиннаго католика предпріятія. Этотъ документъ доказываетъ, что конфликтъ между религіознымъ модернизмомъ запада и мирской церковью въ значительной степени — обострился. Не

знаемъ, будутъ ли эти осужденія конгрегаціей индекса и церковныя наказанія и анаемы имѣть силу предотвратить опасность все болѣе обозначающагося раскола между священствомъ и свѣтскимъ обществомъ. Едва только Мурри былъ увѣдомленъ о декретѣ, запрещающемъ ему богослуженіе, какъ многія католическія общества, какъ итальянскія, такъ и заграничныя, послали ему телеграммы съ выраженіемъ симпатіи и сочувствія. Мѣра строгости, долженствовавшая раздавить воинственнаго священника, произвела обратное дѣйствіе т. е. возвысила его въ глазахъ его сторонниковъ, окруживъ его ореоломъ исповѣдника.

Кромѣ того модернисты стали осторожнѣе и выбираютъ другія орудія для борьбы. Такъ напр. въ Парижѣ издатель Нурри издаетъ „религіозно-критическую бібліотеку“, въ которой скрывающіеся подъ псевдонимами священники поддерживаютъ мнѣніе о необходимости приступить къ пересмотру догматическихъ ученій католицизма и исключить изъ нихъ произвольныя или ничѣмъ не оправдываемыя прибавленія. Одна изъ этихъ книгъ, озаглавленная *Vérités d'Hier* старается доказать при помощи историческихъ доводовъ, что римско-католическіе догматы о первенствѣ и непогрѣшимости папы неправильны и противны христіанскому преданію. Впрочемъ настоящая армія модернизма на западѣ состоитъ не изъ священниковъ, остающихся въ сторонѣ, но изъ мірянъ, въ которыхъ пробудилось желаніе принять дѣятельное участіе въ жизни церкви. И это пробужденіе тѣмъ значительнѣе, что до сихъ поръ, въ силу прогрессивно-развившейся централизаціи религіозной жизни католицизма, міряне потеряли въ церкви всякое значеніе. Имъ, по словамъ Фонсегрива, дозволено давать совѣты, если іерархія ихъ спрашиваетъ, но іерархія свободна слѣдовать имъ или нѣтъ. Они должны по мѣрѣ силъ способствовать поддержанію богослуженія, но право управленія и способъ употребленія пожертвованій мірянъ — принадлежитъ единственно іерархіи. Если бы міряне имѣли право управлять церковнымъ имуществомъ, они могли бы по своему усмотрѣнію навязывать свою волю, ограничить доходы, сократить расходы богослуженія, изъ управляемыхъ превратились бы въ управляющихъ и даже хозяиновъ. Міряне имѣютъ право получать отъ духовенства духовную помощь и обязаны воз-

наградятъ его матеріальнымъ пособіемъ за духовныя услуги. Разъ выдано пособіе, они не имѣютъ права знать, какъ оно употреблено или только въ мѣрѣ, какую признаетъ возможной іерархія (Quinfaîne, 1 novembre, 1906). ¹⁾

Прежде эти теоріи были на западѣ повсемѣстно признаны на практикѣ. Какъ признавалось божественное происхожденіе гражданской власти, такъ же и въ іерархіи видѣли официальную представительницу Бога. Но въ настоящее время политическія и социальныя условія запада совер-

1) Rinnovamento такимъ образомъ рисуетъ будущее католическое духовенство и условія, созданныя духомъ новаго времени для римской церкви. „Актъ, которымъ Пій X отклонилъ предложенія французскаго правительства, ускоряетъ на столѣтіе разрушеніе средневѣковаго понятія о священствѣ и появленіе того новаго духа, который и въ Италіи подтачиваетъ корни духовенства. Объединѣвшая церковь увидитъ, можетъ быть, совершенно неожиданное уменьшеніе случаевъ вступленія въ духовное званіе—случаевъ, которые теперь такъ часто наблюдаются въ низшихъ классахъ населенія, поскольку духовное званіе теперь представляется для крестьянина карьерой, обещающей обезпеченную жизнь, какъ прежде, во времена стараго режима, оно предоставляло для богатыхъ доступъ къ пурпуру и доходы канониковъ. Но зато тѣ, которые заохотятъ служить церкви,—хотя будутъ немногочисленны, будутъ лица избранныя, глубоко убѣжденные въ высокомъ призваніи священства и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ вынуждены завоевывать себѣ положеніе въ демократическомъ обществѣ; не дающемъ другой привиллегіи, кромѣ заслуженной личными дарованіями и энергіей. Тѣснѣе связанные съ народомъ, содержимые народомъ и потому нѣкоторымъ образомъ зависящіе отъ народа, священники булущаго принуждены будутъ болѣе тонко изучать психологію и душевный строй своей паствы, чтобы не быть ею покинутыми, между тѣмъ какъ міряне, вынужденные политическими событіями непосредственно заваться религиозными дѣлами, къ которымъ они въ настоящее время относятся слишкомъ равнодушно, потребуютъ отъ духовенства болѣе возвышеннаго ума и совѣсти и будутъ давать деньги, только въ той мѣрѣ, въ какой духовенство окажется социалью полезнымъ. Для того, чтобы жить, духовенство будетъ принуждено удовлетворять самымъ чистымъ и духовнымъ требованіямъ демократіи, которая не можетъ терпѣть, какъ не потерпѣлъ бы того Христось, чтобы чело-вѣкъ занималъ привилегированное мѣсто въ обществѣ, только благодаря тому, что онъ по утрамъ служитъ обѣдню и читаетъ бривіарій. Отъ этого новаго понятія о священствѣ произойдетъ, хотя бы даже не непосредственно, то внимательство мірянъ въ дѣла церкви, которое Римъ старается всевозможными средствами предупредить, но которое вынче становится столь необходимымъ для католицизма, что оно, несмотря на всѣ рѣшенія высшей власти, заставитъ себя признать и проникнетъ въ жизнь церкви какъ великая обновительная сила. (п 4. стр. 487—488).

шенно измѣнились и будущее повидимому будетъ принадлежать демократическимъ и республиканскимъ учрежденіямъ. Такой политической эволюціи въ особенности содѣйствовало право всеобщаго голосованія, доставившее народнымъ массамъ сознаніе своей силы. И въ то время, какъ совершалась эта эволюція, римская церковь продолжала свой восходящій путь по направленію къ централизаціи и абсолютизму и чрезъ посредство догмата о папской непогрѣшимости индивидуализировала церковь въ римскихъ первосвященникахъ. Политическое общество принимало все болѣе преобладающе-демократическій и республиканскій характеръ, а духовное общество превращалось наоборотъ все больше въ абсолютную монархію. Въ гражданскомъ обществѣ массы налагаютъ свой контроль надъ ходомъ общественныхъ дѣлъ, а въ духовномъ обществѣ, народныя массы были все болѣе устраняемы отъ административной жизни церкви. Такимъ образомъ получилась противоположность между понятіемъ о гражданской власти и понятіемъ о власти духовной, скрытое треніе между государствомъ и церковью и отъ этого тренія произошло теперешнее столкновеніе. Если міряне имѣютъ право принимать участіе въ политической жизни, слѣдить за ходомъ общественныхъ дѣлъ, то почему же вѣрующіе должны считаться мертвыми и пассивными элементами въ жизни церкви?.. Что касается гражданской власти, то теорія о ея божественномъ правѣ превратилась въ археологію. Этой социальной эволюціи должна бы соотвѣтствовать эволюція духовная, которая ограничила бы права іерархіи и устранила абсолютизмъ въ управленіи церкви. Въ этомъ цѣль модернизма. „Группа католиковъ подъ вліяніемъ настоящихъ событій, стремится не къ расколу и ереси, но къ духовной секуляризаціи, къ той религіи духа, въ которой сосредоточивается и очищается религіозный опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, въ которой примиряются безъ компромиссовъ, требованія разума съ требованіями совѣсти“ (Demain, p 53, 1906, стр. 10). Эта религія духа требуетъ ослабленія юридическаго и абсолютистскаго характера іерархіи и большей свободы мысли и инициативы отдѣльныхъ личностей.

Трудно предвидѣть, что выйдетъ изъ этой борьбы. Для римской церкви задача представляется чрезвычайно серьезной. Ей открыты два пути: или доктринальная непримир-

мость, съ рискомъ удалить отъ себя тѣ немногіе элементы образованныхъ мірянъ, которые еще вѣрятъ въ искушительную силу христіанства, и своихъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ ученыхъ священниковъ, или же слѣдовать ихъ призыву по направленію къ доктринальному обновленію, что сдвинуло бы съ мѣста не мало камней въ ея строеніи. Въ настоящее время выбранъ путь неуступчивости, но можетъ случиться, что въ недалекомъ будущемъ, подъ вліяніемъ толчка, даннаго снизу, въ римской церкви разовьются и восторжествуютъ тѣ демократическія начала, которыя завоевываютъ гражданское общество на западѣ.

С. Братковъ.